

ВЫПУСКНОЙ
КЛАСС

ЖИЗНЬ

Алиса Веспер

СРЕДИ ЛЮДЕЙ

[Не]научно-
исследовательская работа

Москва
Издательство АСТ
АСТРЕЛЬ СПб

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6
В38

Серийное оформление,
иллюстрация на обложке: *Диана Бигаева*

Веспер, Алиса.

В38 Жизнь среди людей / Алиса Веспер. — Москва : Издательство АСТ, редакция «Астрель-СПб», 2024. — 480 с. — (Выпускной класс).

ISBN 978-5-17-161614-4

Друзья нужны даже тем, кто не подает вида.

«Я просто хочу быть как все.

Хочу общаться с людьми, дружить, смеяться над чьими-то шутками, говорить впопад. Хочу быть частью чего-то.

Чего-то большего, чем я сам».

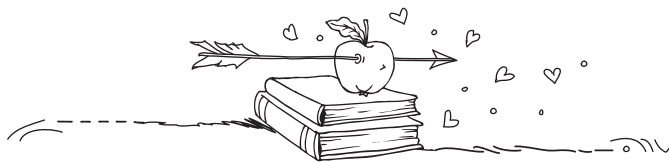
Необычный ученик в обычной средней школе. Правила игры известны всем... кроме него.

Пронзительная история о буллинге, аутизме, сложных отношениях со сверстниками и родителями, о любви и поиске себя.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-17-161614-4

© Веспер Алиса, текст, 2024
© ООО «Издательство АСТ», 2024

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ
ЧАСТЬ

1. В лоб

*В моей голове говорящий огромный кит
Бьется о лобные, теменные, височные кости.
Он открывает рот и беззвучно кричит
От несвободы, нехватки пространства и злости.*

Если бы случился конец света, я бы вряд ли заметил. Кому-то пришлось бы мне об этом сказать.

Во-первых, я никогда ничего не замечаю. Во-вторых, мой личный конец света случился восемьдесят три дня назад. Вряд ли что-то может быть хуже.

В новую школу в первый день не стоит опаздывать. Но я опоздал.

Я потратил на глажку рубашки и брюк сорок четыре минуты вместо отведенных двадцати. И я бы опоздал на пятнадцать минут, но вспомнил, что надо подарить новой классной руководительнице букет цветов. Бессмысленный ритуал — дарить на праздники половые органы покритосеменных растений. Но что поделать? Люди любят странные вещи.

В холле новой школы я был в 10:27. Если округлить, я опоздал на полчаса.

Я поднялся на второй этаж и подошел к своему новому классу. Выключил айпод, который на повторе проигрывал Симфонию № 5 Людвиг ван Бетховена. «Так судьба стучится в дверь».

Вот и я подошел к своей двери.

В классе слышались голоса. Кто-то говорил, кто-то смеялся. Я пригладил волосы и протянул руку, но не смог открыть дверь. Просто не смог.

Мне не хотелось проходить все это заново. Не хотелось снова быть новеньким.

В такие моменты люди говорят, что их сковал страх. И я действительно не мог пошевелиться. Но я знал, что страх — это древнейшая реакция, передающаяся из поколения в поколение и помогающая выжить. Неподвижность. Тогда хищник тебя не заметит. Включение симпатической нервной системы. Учащение сердцебиения, мобилизация организма, подготовка к активной физической деятельности.

Один вопрос, на который нужно найти ответ: бить или бежать?

Если бы я был древним человеком, я бы обязательно убежал. Но я знал, что должен войти. Должен произвести хорошее первое впечатление. Должен открыть эту...

Дверь с размаху ударила меня по лбу.

Я отступил на шаг, а перед глазами пошли фракталы.

— Ой, — услышал я и попытался сфокусировать взгляд.

Передо мной стояла корпудентная особь женского пола с обесцвеченными волосами. На ней было яркое ультрамариновое платье. Очень яркое.

Раньше никто не бил меня. Ну, случайно не бил.

— Ой, — повторила она. — Я тебя шибанула, да?

Класс засмеялся, и этот смех болезненно отозвался у меня в ушах.

Вот и хорошее первое впечатление.

Вопрос был явно риторическим, поэтому я не ответил.

— А ты новенький, да? — спросила она снова и повернулась к остальным: — Зоя Викторовна, я тут, кажется, новенькому по лбу заехала.

Мои новые одноклассники снова засмеялись.

— Тихо, — услышал я.

Смех тут же затих.

— Прости, — шепнула она.

Я кивнул ей.

Ко мне подошла моя новая и очень молодая классная руководительница. Зоя Викторовна. Я уже видел ее в августе.

У нее были светлые кудрявые волосы и блузка, через которую немного просвечивал лифчик. Я не разбирался в размерах, но грудь у нее была большая.

Тяжело быть подростком на пике полового созревания. Сразу обращаешь внимание на то, на что не следует смотреть.

— Это вам, — я вручил цветы Зое Викторовне.

— Спасибо большое, — она улыбнулась и положила их на учительский стол рядом с остальными букетами.

Зоя Викторовна обняла меня за плечи.

— А вот и Леша Самохин. Женя тебя сильно ударила? Может, хочешь зайти в медкабинет?

Я помотал головой, чувствуя, как болит лоб.

— Алиночка, сходите все-таки с Лешей к завхозу, у него есть ключ от медкабинета. Пусть он даст что-нибудь от головной боли и компресс достанет из морозилки.

Из-за парты во втором ряду встала представительница женского пола. Первое, на что я обратил внимание, были ее ноги. Длинные, красивые, прямые. На ней была короткая юбка, поэтому не обратить внимания было невозможно. Поэтому я смотрел на ноги. Только поэтому, разумеется.

— Пойдем, — сказала она.

И мы пошли. В коридоре никого не было. Она шла впереди, а я думал только о том, что она сантиметров на пять выше меня. Причем без каблучков.

— Меня зовут Алина.

— Приятно познакомиться. Меня зовут Алексей.

— Ага. Я слышала. Самохин.

Алина зашла в кабинет завхоза и вышла с ключом в руках.

Мы зашли в медкабинет вдвоем. Он был раза в три меньше, чем в моей прошлой школе. У стены стояла кровать, в углу мойка и зеркало, а вдоль другой стены — ящики и два стола: письменный и медицинский, на котором стояли всякие приборы.

Ситуация показалась мне странной по двум причинам. Во-первых, я оказался наедине с человеком противоположного пола, который не был моим родственником. Такое со мной произошло только один раз. Во-вторых, Алине дали ключ и отпустили в медкабинет без взрослых. В моей прошлой школе такого бы никогда не случилось. Очевидно, здесь ученикам доверяли больше.

— Садись, — сказала она и начала осматривать наклеенные на ящиках бирки.

Я сел на кровать и стал разглядывать плакат, на котором был нарисован человеческий мозг.

— Так, обезболивающие. Тебе что? «Нурофен» или «Аспирин»?

— Можно «Нурофен», если он не в капсулах.

— Почему не в капсулах?

— У меня на него аллергия.

— Хреново.

— Да можно без таблеток. Не очень болит.

— Точно? — Алина повернулась ко мне. — Ой, блин.

Она подбежала к маленькому холодильнику и достала оттуда синий герметичный пакет.

— Приложи.

Я приложил пакет ко лбу. Стало лучше.

Алина села рядом со мной.

— Извини. Смольникова такая дура, — она хихикнула. — Все время какую-нибудь такую фигню вытворю.

ряет. Ну, она вообще странная. Увлекается японскими мультиками и вообще всякой хренью.

Я не стал спрашивать, что плохого в аниме. Просто молча разглядывал Алину из-под компресса.

У нее были длинные светлые волосы. Даже светлее, чем у меня.

Рецессивный генетический признак.

У меня у самого есть рецессивные признаки. Я бледный и могу писать обеими руками. До начала полового созревания я был светло-рыжим, но после того, как клетки Лейдига в моих семенниках стали вырабатывать тестостерон, мои волосы потемнели. Теперь я стал просто русым. Это оказалось лучше, чем быть рыжим. Над таким цветом люди обычно не смеются.

— А ты откуда к нам перешел? — спросила Алина.

— Я из Санкт-Петербурга переехал.

— Правда? Круто. Я там была один раз в детстве. Мне очень понравился Невский и Эрмитаж. Слушай, а сколько... — она отвела глаза и замолчала.

— Что?

— Сколько тебе лет?

— Четырнадцать, — признался я.

— Правда? — она приподняла одну бровь.

— Ну, я пропустил два класса.

— Круто. Ты, наверное, жутко умный.

Я пожал плечами. Я вовсе не считал себя жутко умным.

— Ты как этот... Уилл Хантинг, да?

Меня очень удивило, что она смотрела «Умницу Уилла Хантинга».

— Да нет, я не настолько...

Алина встала и прошла по кабинету, разглядывая ящики.

В коридоре слышались шаги.

— О, все идут на линейку, — улыбнулась Алина.

Это слово всегда казалось мне странным. Почему именно линейка? Почему не циркуль?

— Нам тоже пора, наверное, — сказал я.

— Да ну. Че там делать? Слушать Ушастого нашего, что ли?

— Ушастого?

— Ага. Дирика. Все равно ничего умного он не скажет. Будет втирать про то, что надо стараться, потому что мы должны показывать результаты. Да ну на фиг. Лучше здесь посидим.

Я знал, что дириком мои сверстники называют директора.

Алина заперла дверь, а потом подошла и села рядом со мной.

Теперь даже холодный компресс мне не помог бы, потому что я пришел в состояние сильного волнения. Люди говорят в такие моменты, что их бросает в жар.

— А летом ты чем занимался?

— Учебой.

— Серьезно? — она покосилась на меня. — Меня летом не заставишь книжку в руки взять. Но зато приходится тренироваться.

— Тренироваться?

— Ага. Я занимаюсь художественной гимнастикой.

— Здорово.

— Ага. Я уже кандидат в мастера.

— Это большое достижение.

Алина засмеялась.

— Что-то не так?

— Ничего. Просто ты так говоришь странно.

— Как?

— Ну, как... взрослый.

— Это плохо?

Алина пожала плечами и улыбнулась, и я подумал, что у нее правильные пропорции лица. Жалко, что я почти не запоминаю лиц.

— А я летом ездила в Вену и Будапешт. Ты там был?

— Нет.

— О, там так красиво. И музеи мне понравились.

— Да, в Вене очень хороший Музей естественной истории. Я про него читал.

— Я там не была. Зато в художественные музеи ходила. Я же еще рисую. Даже в конкурсах участвую.

Она рассказывала о своей художественной школе на Кропоткинской, а я смотрел и слушал.

А потом она замолчала.

— Слышишь? Первый звонок.

Я слышал. Значит, какой-нибудь крупный одиннадцатиклассник посадил на плечо первоклассницу с колокольчиком в руке, и она звонила, пока он нес ее по актовому залу.

Это значило, что начался десятый класс. Мой предпоследний класс.

— Приложи другой стороной, — улыбнулась Алина.

— Что?

— Компресс.

Я перевернул компресс.

— А тебе нравится живопись? — спросила она.

— Да, мне нравится Лионель Фейнингер.

— О, я про него слышала. Но не особо знакома с его творчеством.

В коридоре раздался топот множества ног.

— Так, они возвращаются. Пора идти, — Алина толкнула меня плечом и встала. — Кинь компресс в мойку.

Я положил компресс, и мы направились в класс.

Мы зашли вместе со всеми, и Зоя Викторовна попросила меня задержаться у доски.

Небо заволокли тучи, в классе стало немного темнее, и над доской включили люминесцентную лампу. Не люблю эти лампы. У меня они ассоциируются с

пришельцами, которые высасывают у землян мозги. Глупая ассоциация.

Все уже расселись и смотрели на меня.

Я вспомнил о том, что надо произвести хорошее впечатление. Пусть не первое, но хотя бы второе.

Тогда я поднял уголки губ. Было очень непривычно улыбаться.

Никто не улыбался мне в ответ.

Со мной определенно было что-то не так.

Я читал, что обычно всем нравятся красивые люди. Красивым людям приписывают положительные качества: доброту, честность, даже высокий уровень интеллекта. Никогда не мог понять, как люди могут приходить к таким выводам.

Мое лицо соответствует современным канонам красоты, но было во мне что-то такое, что всегда отталкивало людей от меня.

Моя жизнь — вечный тест Тьюринга¹.

Приходится изображать кого-то, кем я не являюсь, притворяться, выводить формулы, решать уравнения, но каждый раз кто-то догадывается, что я какой-то не такой.

Сколько у меня времени на этот раз?

Отсчет пошел.

Парты стояли в три ряда, и за каждой сидело по два человека. Только за первой партой у учительского стола девушка сидела одна. У нее была очень хорошая осанка.

¹ *Тест Тьюринга* — тест, позволяющий определить уровень искусственного интеллекта. Заключается в следующем: экспериментатор общается одновременно с компьютером и живым человеком в течение пяти минут, но они находятся в разных помещениях. По окончании теста каждый из испытуемых должен сказать, кто был человеком, а кто программой. Если компьютер сможет обмануть 30% собеседников, тест считается пройденным.

Последняя парта у стены тоже пустовала.

— Тихо-тихо. Давайте наконец-то поприветствуем Лешу Самохина. Он приехал к нам из Питера, — сказала Зоя Викторвна.

Из Санкт-Петербурга, хотел я ее поправить, но ничего не сказал. У меня задрожали руки, поэтому я спрятал их за спину.

— Лешенька у нас вундеркинд.

А вот и он, мой приговор.

Сквозь бежевый тюль я видел, как с неба льется вода.

Мои новые одноклассники начали шептаться. Я не слышал слов, но вряд ли они говорили что-то хорошее. Я ведь...

— Он перепрыгнул через два класса, — закончила Зоя Викторвна.

Никто ничего не спросил. Только представитель мужского пола с первой парты сказал своей соседке слово «подумаешь» так громко, что я его расслышал.

— Леша, ты хочешь про себя что-нибудь рассказать? — спросила Зоя Викторвна.

Я помотал головой.

— Хорошо. Тогда садись. С Викой, наверное, сядешь? Она тоже первый класс пропустила, как и ты.

Я посмотрел на очень прямо сидящую женскую особь за первой партой. Она помотала головой. Что бы это значило?

— Лучше я один.

Я быстро прошел к последней парте и сел.

Двое особей мужского пола с соседней последней парты повернулись ко мне. Один из них был маленьким, а другой очень крупным.

— Я Артем, — представился тот, что поменьше, а потом указал на второго: — А это Гриня.

Гриня улыбнулся, и я увидел, что кусочек зуба у него сколот.

Я кивнул.

— И как там в Питере? — спросил Артем.

Я растерялся, но через четыре секунды (за которые прошла целая геохронологическая эпоха) ответил:

— Нормально.

Он издал звук, который я идентифицировал, как смешок.

— Нам надо выбрать старосту, — улыбнулась Зоя Викторовна. — У кого какие предложения?

— Пусть Соколов, — крикнул Артем.

У него был характерный голос человека, у которого еще не закончилось утолщение голосовых связок. Люди говорят в таком случае, что голос еще не сломался. Такое смешное выражение.

— Не-ет, — раздался женский голос спереди. — Пусть лучше Шишкина, как в прошлом году.

Мои новые одноклассники начали спорить, но Зоя Викторовна их остановила.

— Давайте проголосуем, — предложила она. — Кто за Соколова?

Поднялись две... три... пять... шесть рук. За него проголосовали все лица мужского пола.

— Кто за Шишкину?

На этот раз поднялось десять рук. Все лица женского пола, кроме девушки с хорошей осанкой, проголосовали за Шишкину.

— Встань, Алиночка.

Оказалось, что старостой выбрали именно ее. Значит, Алина очень ответственная.

— Значит, решили. Что ж, на сегодня все. Тогда я пойду. И вы домой собирайтесь. Долго не гуляйте. Не забудьте, завтра первый учебный день.

Зоя Викторовна нахмурилась, а затем улыбнулась.

— До завтра.

— До свидания, — ответили мои новые одноклассники.

Собрав цветы, Зоя Викторовна вышла из класса.

Тогда все начали обсуждать, куда пойти.

— И куда пойдём? Дождь на улице. Не погуляешь. Может, к Шишкиной?

— Иди на фиг, ко мне никто не пойдёт.

— На улице дождина.

— Так пойдёмте в кафе.

— Ты с дуба рухнула? У нас две бутылки вискаря, какое кафе?

Почти все встали из-за парт, а я остался сидеть. Мне не хотелось вставать, потому что остальные парни крупнее меня. Некоторые девушки тоже были выше, потому что они были на каблуках. Рядом с ними я выглядел слишком мелким.

Хотя чего мне удивляться? Четырнадцать лет, 167 сантиметров, 54 килограмма. Не знаю, что из этого хуже всего.

Я все еще сидел за партой. Мне было страшно, что, если я встану, меня заметят. Я посмотрел в окно. Вода с неба все еще падала.

Кто-то все еще хотел пойти в кафе, но им неизменно отвечали аргументом про «две бутылки вискаря».

— Так что, на улице будем? — спросил высокий светловолосый парень атлетического телосложения. Фенотипически он выглядел идеально, его лицо напоминало лица греческих богов.

Кажется, именно он сказал «подумаешь», когда Зоя Викторовна говорила про меня.

— Вы совсем тупые, что ли? — сказала та девушка с очень хорошей осанкой, которая сидела за партой одна. — А если вас поймут?

— Да заткнись ты, ботанка.

Я напрягся — это слово мне было знакомо слишком уж хорошо.

Мои бывшие одноклассники тоже называли меня ботаником.